

Заключительное слово докладчика

Г.Г. Малинецкий

Дорогие коллеги, большое спасибо за очень содержательное обсуждение. С одной стороны, я очень рад, что коллеги высказались. С другой стороны, я понял, что свой доклад мне совершенно не удалось донести до слушателей.

Что касается замечаний профессора Гундарова. Мы с удовольствием послушаем Вас у нас на семинаре, у нас совершенно другие цифры. Мы провели международную конференцию по пьянству, у нас и европейских коллег совершенно другие, совершенно не совпадающие с Вашими данными. Это та вещь, которую надо обсуждать на научном семинаре, на конкретном уровне. Если Вы умеете учитывать влияние смысла жизни — отлично. Конечно, мы учтем это в своих моделях. Это действительно тот вопрос, где мы можем сотрудничать.

Что касается возражений профессора Ципко. Это только первые шаги. Конечно же, нужно взаимодействовать с гуманитариями. Проблема в том, что гуманитариев по большей части у нас в России просто нет. Когда я читаю Ваши труды, я вспоминаю, в какой стране я живу. Я понимаю, что мы с Вами много лет жили в разных странах. Вы оперируете в эмоциональном поле, в интуитивном поле, может быть, каком-то идеологическом. Но мы жили в разных странах. Бессмысленно спорить о теоремах, когда у нас разные смыслы и ценности, разные системы аксиом.

Опираться можно только на то, что оказывает сопротивление, причем не на уровне слов. Когда началась такая наука, как психология? Раньше люди описывали свои сны, ощущения, и результатов не было. Она началась после того, как в конце XIX в. люди поняли, что, во-первых, должен быть исследователь извне, и, во-вторых, надо измерять. Сейчас мы

активно работаем с рядом гуманитариев АН. Честно говоря, естественников и математиков в АН, простите, «как собак нерезаных». Они готовы строить модели, анализировать данные... Но найти эксперта-гуманитария, который находится не на позициях «хорошо» — «плохо», а на позициях конкретных данных, в которых можно обсуждать конкретные связи, почти нет. Это беда.

По тем или иным причинам не состоялись у нас гуманитарные науки. Настоящие гуманитарии — как золотые крупы в общей массе. Такова реальность. Конечно, если они есть, мы будем самым тесным образом с ними взаимодействовать.

Теперь относительно замечаний о том, что такое государство. Напомню В.В. Путина: «Государства у нас пока нет». Естественно, вы спрашиваете, каков прогноз? Наша лодочка идет к водопаду. Вы спрашиваете: «А что будет после водопада?». Мы идем к крутому повороту, к обрыву. Мы двигаемся на машине. Во многом будущее зависит от того, в какую сторону свернет шофер — вправо или влево. Пока он никуда сворачивать не хочет, пока он на полном ходу летит к обрыву. Есть, конечно, вопрос: а как мы будем падать? Может быть, такой вопрос и интересен, но мы им не занимались.

Сергей Георгиевич, я преподаю в четырех вузах разного профиля — и гуманитарного и естественнонаучного — и у меня абсолютно иные оценки. Если есть объективные данные, которые подтверждают Ваши надежды и Ваш взгляд, мы с удовольствием их проанализируем, мы с радостью будем иметь с ними дело. Мы были бы счастливы опираться на временные ряды, характеризующие социальную динамику. Но, как объяснил мне ваш директор, академик Г.В. Осипов, «Рядов нет. Есть отдельные результаты опросов. Как закажут — так мы и опрашиваем». Поэтому мы были бы рады на это опираться, но, к сожалению, не удается.

Еще один очень важный момент. Вы оперируете понятием «государство» и т. д. Это прозвучало у моего содоклад-

чика. Мы, как правило, имеем дело с симулякрами. Как бы государство у нас, с одной стороны, есть, а с другой стороны, его вроде бы и нет. На мой взгляд, выяснение, что же еще есть, а чего уже нет — одна из важнейших задач, где точный анализ и количественные методы были бы очень важны. Это реальное понимание того, где мы находимся. Важно чтобы мы могли оперировать конкретными, одинаково понимаемыми цифрами.

Вот Вы говорили в отношении Правительства. Хорошее ли оно или плохое — это сейчас не вопрос. Мы, к примеру, берем бюджет России и сразу все видим. Какие отрасли поддержаны? На что в эпоху кризиса увеличено финансирование? Вот, например, произошло увеличение на 40%... Как вы думаете, на что? — На Газпром, на топливно-энергетический комплекс. За ним идут телевидение и радиовещание. На что сокращены расходы? Тоже очень характерно. Каждая страна, которая выходила из кризиса, вкладывала ресурсы в образование, науку, оборону и инфраструктуру. У нас сокращено: государственные инвестиции в инфраструктуру — на 56%, субсидии бюджетов субъектов Федерации — на 19%, дорожное хозяйство — на 26%, культура — на 22%, далее сокращены фундаментальные исследования, внутренние войска, органы безопасности, стационарная медицинская помощь. Как только мы оказываемся на уровне цифр, сразу же масса вещей становятся совершенно понятными.

Если сформулировать одну мысль, которую я хотел донести до собравшихся, она очень проста. Она сводится к тому, что хотел донести до руководства лесковский Левша. Он приехал из Англии и говорит: «Государь, там ружья кирпичом уже не чистят, потому что если их кирпичом чистить, то они стрелять не будут». Я хотел сказать следующее: каждая развитая страна сейчас имеет мозговые центры, которые проектируют будущее, действительно развиваются на очень серьезном уровне, работают на государство. Люди уже играют в шахматы, а мы пока либо в домино, либо в подкидного

дурака, если судить по происходящему, по нашим успехам. Независимо от того, какие политические силы приходят к власти, если мы не будем иметь некий набор технологий проектирования будущего, высоких гуманитарных технологий, математических моделей, прогнозов, то у нашей страны нет никаких шансов.

Что касается идеологии, также возражу. Это не игра. В основе лежит дальний прогноз. Для научного прогноза он слишком дальний, это слишком большая экстраполяция. Но, давайте посмотрим документы США, они очень четко формулируют, куда они хотят придти через 40 лет. Посмотрим документы Китая, они тоже подробно все описывают, касающиеся целей, перспективы будущего. Это позволяет выстроить, соответственно, то, что меняется медленно, и культуру, и демографию, и технологии, дает ориентиры, чтобы строить нормальную политику.

Самый простой пример, с которым столкнулся наш институт. Нас спрашивают — сейчас Россия приступает к новой программе вооружений — какие вооружения нам нужны? Мы говорим, а вы скажите, кто наши враги и кто наши друзья? На каких театрах военных действий предполагается воевать? Что мы должны защищать? И какой у нас прогноз на 30 лет? Структуры наши властные пожимают плечами — а зачем вам на 30 лет? Да помилуйте, 10 лет пройдет от начала финансирования создания оружия, до того, как оно будет в войсках. В каждой стране, 10 лет — это некий характерный срок. Еще 20 лет оно будет на вооружении. В это время оно должно создавать для сравнимой угрозы. Для того чтобы сегодня решать совершенно конкретные задачи относительно добычи наших углеводородов, относительно больших дорожных проектов, крайне важно иметь длинный прогноз.

В отношении госкорпораций и всего остального, я опять хотел донести простую мысль. Есть два варианта: люди берутся решить задачу или как-то по-черномырдински — хотели как лучше, а получилось, как всегда. Вот те люди, кото-

рые хотели, как лучше, они виновны или их надо просто в угол поставить? Либо мы оцениваем дела и результаты, а не намерения. Это принципиальный вопрос. Доложу вам, что госкорпорации в настоящее время — это симулякр в чистом виде. Они обычно по-черномырдински делают вид, что находятся около неких проблем. На самом деле это реальные банки, которые, естественно, чем меньше проектов профинансирует, чем больше денег прокрутят, тем будет лучше. Это нынешняя реальность. Я бы, как советовал Конфуций, призвал бы правильно употреблять слова. Если мы понимаем, что это симулякр, давайте так честно это и скажем. Если у нас есть сомнения, давайте это обсудим и посмотрим.

Если мне удалось донести мысль о том, что России надо, чтобы выжить, независимо от того, какая элита придет, начать всерьез проектировать будущее, то я буду считать, что не напрасно выступал.

А.И. Неклесса:

Докладчик говорил о сокращении расходных статей бюджета. Но проблема скорее с другой стороны — я имею в виду планируемый трехтриллионный дефицит бюджета. Такой дефицит говорит о том, что сейчас-то особого сокращения в статьях, пожалуй, нет; оно, скорее, будет проходить в форме секвестра по мере колебания цен на энергоносители. Это означает, что у нас на сегодняшний день не планируется объем доходов, способный полностью закрыть расходные статьи, которые во многом сохраняются. Это весьма серьезная проблема, особенно если мы ее пролонгируем: откуда, скажем, взять деньги на аналогичные расходы в 2010 г. или 2011 г.? Подобный дефицит может означать крах Резервного фонда в течение уже ближайшего года или около того. Точно так же как в основном на операциях, связанных с поддержанием курса рубля и банковской системы, мы сократили более чем на треть — т. е. на 200 с лишним млрд долл. — наши международные резервы. Сегодня мы живем за счет мяса тучных

коров, но смогут ли оставшиеся и ставшие тощими буренки нагулять прежний вес?

Г.Г. Малинецкий:

Если Вас дернуло за язык сказать о дефиците, то меня тоже дергает за язык. Дело в том, что у нас Правительство и многие эксперты не владеют таблицей умножения. Сейчас истрачена треть нашего Стабилизационного фонда, 200 млрд долл. (точнее, наших международных резервов). При этом наш Минфин прогнозирует безработицу к концу года 10 млн человек. Американцы прогнозируют безработицу 15 млн человек — каждый пятый трудоспособный гражданин России. Арифметика показывает, что эти самые 200 млрд — это 10 млн рабочих мест на три года с зарплатой в 20 тыс. руб. На мой взгляд, если наше экспертное сообщество хотя бы научит наше общество владеть таблицей умножения, то это уже очень много даст.

А.И. Неклесса:

Проблема чрезвычайно сложна. Приведу всего один факт. В минимальных расходах россиянина каким-то чудесным образом не учтена плата за жилье. Другими словами, расчет минимальной стоимости жизни в стране делается только для... домо- или квартировладельцев! Поэтому у нас столь низка мобильность населения. Поэтому ужасает статистика, касающаяся молодежи. У человека, не имеющего недвижимой собственности, мало шансов на проживание в крупном городе, учитывая размер арендной платы за жилье. И сколько не создавай рабочих мест, человек из одного города в другой не может переехать, потому что плата за жилье если и не поглотит полностью, то откусит львиную долю от размера его заработной платы.